

ВЛАДИСЛАВ ЖУКОВСКИЙ

ИЗОЛЯЦИЯ

Владислав Жуковский

Изоляция

«Автор»

2026

Жуковский В.

Изоляция / В. Жуковский — «Автор», 2026

Вирусолог Ян Фабиан прибывает в закрытый карантинный город, чтобы работать на корпорацию «Синтезис». Он ищет не ответов, а забвения — его дочь умерла от болезни, с которой он не справился. Но корпорация знает о его прошлом больше, чем он сам. В секретных лабораториях создают не просто вирус, а новую форму жизни: симбиотические костюмы, усиливающие рефлексy, и мутантов, объединенных в единый «рой», способный слышать мысли друг друга. Яну предстоит надеть костюм, который дарует скорость и силу, но постепенно лишает способности чувствовать прикосновения, тепло, боль — всё, что делает человека живым. Чтобы остановить распространение вируса и спасти тех, кто еще помнит свое имя, ему придется проникнуть в сердце «Синтезиса» и сделать выбор, который уже совершали до него другие: стать совершенным оружием или остаться уязвимым, но свободным. В мире, где эволюция требует отказа от эмоций, главной силой становится упрямство черепахи — медленное, но неумолимое движение к себе настоящему.

© Жуковский В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. ПРИЗНАКИ	6
Глава вторая. БЕГСТВО	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Владислав Жуковский

Изоляция

Глава первая. ПРИЗНАКИ

1

Ян не допил кофе. Телефон вибрировал на столе: «Синтезис. 9:00».

Он допил холодным. Лимоны закончились три дня назад. Покупка лимонов означала признание: он остаётся в этом городе. Принимает работу у людей, которые не спросили, почему его выгнали из ВОЗ, не поинтересовались, как умерла дочь.

В зеркале — лицо, которое он перестал узнавать. Тридцать часов сна за неделю. Тёмные круги под глазами — цвета той гематомы, что оставила Эвелина, упав с велосипеда в шесть лет. Мигрень долбила в виски — ритмично, словно пальцы в дверь. В пике боли он всегда слышал её голос: *Беги, Ян*. Она говорила это в больнице, в последние часы — когда слова рассыпались на звуки, а звуки вырывались из тела, которое уже не слушалось.

Такси приехало за семь минут. Водитель молчал — напряжённо, слишком напряжённо для обычного утра. В салоне пахло хлоркой. Сиденья вытерли недавно, тряпкой, которая не отжималась должным образом. На приборной панели лежал потрёпанный номер «National Geographic» со статьёй о зомби-вирусах в природе — кто-то заложил страницу с муравьями-кордицепсами.

Ян открыл окно. Ноябрьский воздух — с привкусом гари, не дымка, а что-то ближе, химическое. На горизонте — густое облако, не похожее на туман.

— К «Синтезису».

— Все туда едут. — Водитель повернулся. На запястье — клеймо, якорь, старое, побелевшее. — Как муравьи. Чуют, где тепло.

— Вы учёный?

— Вирусолог.

— Значит, знаете, что такое изоляция.

Ян посмотрел в окно. Ещё неделю назад этот район был обычной окраиной: школа с пристроенным спортзалом, пекарня на углу, старуха, торгующая цветами у перехода, всегда одна и та же лейка с водой для букетов. Теперь окна школы заколочены досками с гвоздями, торчащими наружу — не для защиты изнутри, а от чего-то снаружи. Пекарня сгорела дотла, остался только вывесочный короб с обугленными буквами «Хлеб», которые всё ещё читались, потому что не горели так, как должны были. Старуха исчезла. На тротуаре осталась только перевернутая лейка и несколько стеблей хризантем, втоптаных в грязь — уже не цветов, а мусора.

— Когда началось?

— Тихо. — Водитель не поворачивался, говорил в лобовое стекло. — Сначала объявили карантин в порту. Три дня. Потом закрыли школы. Потом перестали ходить автобусы. Потом сказали: оставайтесь дома. Потом перестали говорить, что делать. — Он пожал плечами, жест неуверенный, обучившийся, не свой. — Люди привыкают ко всему. Даже к концу света. Особенно если конец медленный.

Они ехали мимо пустыря с палатками. Люди в синих масках, не медицинских, а каких-то других, с клапанами, с фильтрами, с запахом резины. Знак на колючей проволоке: «Карантинная зона. Грипп птиц».

Грипп птиц не требовал колючей проволоки. Ян промолчал.

В кармане пальто — деревянная фигурка черепахи. Вырезанная грубо, не профессионально, с потёртостями от десяти лет в кармане. Таксист из Еревана, когда Ян расплачивался, протянул её неожиданно, как сдачу:

— Держи. Моя дочь вырезала. Десять лет носил. Она всегда говорила: черепахи выигрывают не потому что быстрые. Умным нужна глупость, чтобы не сломаться. Я уже старый, мне не надо. А ты — учёный. Вам, умным, нужна глупость.

Ян сжал деревянную фигурку в ладони — острые края впились в кожу, напоминая: мир реален, твёрд, имеет границы. Он не знал, что за черепаху носит таксист, но чувствовал: у каждого есть такой талисман, который держишь в кулаке, когда всё остальное расплывается.

2

«Синтезис» подкрадывался сначала отражением в стёклах соседних зданий — слишком чистых, слишком новых для этого района. Потом низким гудом генераторов, отдававшимся в желудке глухой дрожью. Потом сорока двумя этажами стекла и стали, верхние пять закрыты чёрным, поглощающим свет материалом, который не был ни стеклом, ни металлом, ни чем-то, что имело название в открытых источниках.

Ян вышел. Ветер сорвал кепку — он не побегал за ней, стоял, прижав ладонь к виску, где боль пульсировала в такт генераторам. Кепка укатилась в канаву, остановилась у перевёрнутого мусорного бака, стала частью пейзажа.

У входа — очередь из камер. Сорок устройств на штангах, инфракрасное сканирование, греющее кожу даже через одежду. Охранник читал книгу. «Страх и трепет» — Кьеркегор, Ян узнал по корешку, по износу, по тому, как палец держал страницу, не переворачивая её уже минуту.

— Фабиан, — сказал он.

Охранник поднял глаз. Не удивился.

— Третий за утро. Остальные в телефоны пялятся.

Он взял пропуск, посмотрел дольше нужного. Взгляд задержался на выпуклости в кармане Яна — фигурка выпирала, угадывалась формой.

— Вирусолог?

— Да.

— Знаете, почему у нас нет медотдела?

— Почему?

— Мы не боеем. Шестнадцатый этаж. Лифт слева, но я бы шёл пешком. Лифт нервный.

— Нервный?

— Застрял между этажами. Люди внутри кричали. Потом перестали.

Он открыл книгу. Ян пошёл к лифту — проверить.

Двери открылись. Пусто. На панели — кнопки 1–42 и одна чёрная, без номера, вдавленная, как след от пули. Он вошёл, нажал 16. В нос ударила хлорка. А под ней — сладковатая гнильца, как от перезревших фруктов, как в той больнице, где умерла Эвелина.

Лифт остановился на 12-м. Створки разошлись — никого. На полу — следы: ботинки, размер сорок четыре, идут к лифту, разворачиваются, бегом обратно. И тёмное, капаящее, уже высохшее, но видимое под ультрафиолетовой лампой, которую Ян не заметил сразу.

Он не выходил. Нажал 16 снова.

На 16-м вышел быстро, не оглядываясь. Коридор был длиннее, чем позволяла геометрия здания. Ян считал двери: «Лаборатория», все закрыты. На восемнадцатой остановился. Услышал низкий, утробный звук — голос кита под водой из давнего фильма; он врзался в память сходством с мигренью.

Приложил ухо — тишина. Тяжёлая, как вакуум. Запах чего-то живого, ждущего.

Постучал — тихо. Повернул ручку — заперто.

— Потом.

Обернулся. Женщина. Белый халат, волосы собраны, но пряди вырвались. На лацкане: «А. Либерман». Она прошла мимо, не останавливаясь, но споткнулась — едва заметно, прижала руку к боку, скрывая дрожь. Посмотрела на него: *Не видели.*

Ушла.

— Я ищу Мюррея, — крикнул вслед.

Тишина.

Дверь «Шеф» нашёл случайно — за стеллажом с пустыми папками. Стикер «Ш» отклеился, осталось «ЕФ». Он постучал, не дождался ответа, открыл.

3

Мюррей стоял у окна, спиной. На столе — блокнот с надписью «Лучший дедушка». Рядом фото женщины с тёплой улыбкой. И ещё один предмет, замеченный не сразу: крошечная детская обувь, выцветшая, стоявшая у самого края, точно музейный экспонат.

— Вы опоздали на двенадцать минут.

— Трафик.

Мюррей повернулся. Старше, чем на фото: шея обвисла, руки в пятнах, которые Ян узнал — старческие, не болезненные. Но глаза — светлые, почти прозрачные, смотрящие сквозь предметы, сквозь людей, сквозь время.

— Ложь. Вы стояли у двери лаборатории 18. Ждали, что откроют.

Он открыл ящик, достал папку. На корешке — «ФАБИАН».

— Знаете, почему выбрал вас?

Ян молчал. Мюррей открыл папку. Внутри — снимок: Эвелина в больничной койке, моложе, чем он помнил, или он старше, чем думал. Трубки, капельницы, свет, который не был ни днём, ни ночью. В углу пластикового кармашка — логотип «Синтезиса», дата за два года до официального основания компании.

— Вирус Зика. Неврологическая форма. Вы были рядом. Видели, как наука не спасает.

Ян встал. Ноги не слушались, были чужими, как в тех снах, где бежишь и не двигаешься.

— Вы изучали мою семью.

— Некоторых — дольше других. — Мюррей убрал папку, но Ян успел: имя Эвелины, «Контрольная группа А», даты, которые не совпадали с её болезнью, предшествовали ей. — Проект «Прометей». Протоколы уровня 3.

— Что это значит?

— Это значит, что вы были рядом. А я был раньше.

Он положил бумагу на стол. «ПРОЕКТ ПРОМЕТЕЙ. ПРОТОКОЛЫ УРОВНЯ 3». Бюрократия, штампы, подписи. И имена. Статусы.

С. Фиш. Мёртв. Несовместимость.

З. Фостер. Мёртв.

А. Гиллен. Мутант. Стадия Альфа.

Т. Мюррей. Мутант. Сохраняет разум. Агрессия контролируется.

Том. Тот, который провёл его в лифте. Тот, который дрогнул, услышав «семнадцатый этаж».

Нажал кнопку. Вошёл Том — невысокий, почти лысый, смотрел на Мюррея как на хозяина, как на отца, как на тюремщика. Голос дрогнул:

— Семнадцатый?

— Там хранятся образцы. Вы же не думали, что работаете с теорией?

Том не ответил. Ян посмотрел на него, на фото в его руке — мальчик с велосипедом, «Папа и я. Лето 2009». Тот, кто хотел жить.

4

Том не проронил ни слова, пока не вошли в кабину. Там, глядя в стену, заговорил быстро, глотая окончания, будто слова боялись быть услышанными:

— Вы не должны были приходить сегодня.

— Почему?

— Шеф не в себе. Я слышу, как он говорит ночью. С тем, кто был моим братом.

На пятнадцатом створки разъехались — коридор пуст. Том трижды ударил по кнопке закрытия. Пальцы дрожали.

— Я не могу сказать. Если узнаю — стану опасным. А я хочу жить.

— Это не глупо.

— Глупо. В двадцать четыре.

Он достал фотографию, сунул в руку Яна. Мальчик с велосипедом, улыбается, держит руль слишком широко, боится упасть.

— Оставьте. На случай.

— Что на семнадцатом?

— Не спрашивайте. Не помните.

Двери открылись. Он вышел почти бегом, не оборачиваясь. Ян остался один, с фотографией в руке, с деревянной фигуркой в кармане, с именем Эвелины в голове, которое теперь было не только именем, но и номером, и датой, и группой.

На семнадцатом пахло озоном и кислым — как в теплице, где всё гниёт, но ещё живо. Том остановился у двери «Хранилище 7». Рука дрогнула у сканера.

— Это... — начал Ян.

— Не трогайте.

Том схватил его за рукав. Пальцы ледяные, сильные, не его сила — костюм или то, что костюм сделал.

— Для фазы четыре.

Он положил бумаги в ящик, запер. Щелчок — как выстрел, но глушённый, внутренний.

— Пойдёмте. Нельзя долго.

В лифте Том сказал:

— Если предложат работу с «Прометеем» — откажитесь.

— Почему?

— Вы не первый. Было двенадцать. Одиннадцать ушли. Один остался.

— Кто?

Том не ответил. Вышел на 16-м, не оборачиваясь. Ян остался один перед дверью с табличкой «Фабиан».

5

Кабинет оказался кладовкой с окном. Стопки бумаг, запах пыли, часы на стене сбиты — на три часа вперёд, или назад, или время здесь другое.

Ян сел. Открыл конверт.

«ПРОЕКТ ПРОМЕТЕЙ». Имена, статусы, примечания. *«Проект "Изоляция" реализуется в Нью-Айленде. Добровольцы размещены в жилых кварталах».* И дальше: *«Штамм № 1. Инъекция в водопровод района 7. Четырнадцатое ноября».*

Сегодня.

Ян подбежал к окну. Дымка ползла к зданию. Под ней — движение. Не машин. Не людей. Что-то, что двигалось неправильно, слишком плавно или слишком рывками, вне ритма.

Телефон зазвонил. Будильник. Не он ставил: «ПРОВЕРЬТЕ ЯЩИК СТОЛА».

Ключ с биркой: «В1. Я уже не та. А. Л.»

Анна Либерман.

Сирена. Воющая, низкая, не та, что была в городе, другая, внутренняя.

«ВНИМАНИЕ. УРОВЕНЬ БЕЗОПАСНОСТИ ПОВЫШЕН. ВСЕ НА МЕСТА».

Он схватил конверт, ключ, фигурку, фотографию Тома. Побежал к лестнице.

Лестница — бетон, аварийное освещение, красное, как внутри тела. Бежал вниз. На площадке между 3 и 2 — шаги. Не свои. Методичные, не спешащие, знающие.

Прижался к стене.

— Доктор Фабиан? — голос Мюррея. Спокойный, как будто сирена — часть разговора.
— Вы читаете то, что не положено.

Ян молчал.

— Не делайте трудным. Мы можем поговорить. Вы учёный. Поймёте.

Шаги возобновились. Ян спустился на первый. Ниже — дверь «B1», без замка. Повернул ручку.

Темнота. Красный аварийный свет. Тепло. Влажность. Дыхание не его — множественное, ожидающее.

— Вы пришли, — женский голос. Уставший. — Я ждала. Не вас. Кого-то.

Анна Либерман стояла у стены. В руках — чёрный костюм, сложенный так плотно, что казался живым, дышащим.

— Что это?

— Выбор. — Она посмотрела на дверь. — Он сейчас спустится. Выбор: с ним или со мной.

— Куда с вами?

— Вниз. Туда, где он не достанет.

Она провела рукой по чёрной ткани. Ткань ожила, стала теплее, как кожа, которая помнит прикосновение.

— Он предлагает силу. Я — время. И возможность остаться собой.

Костюм на его руках казался невесомым. Пальцы сжались — ткань ответила, узнала, прижалась.

— Решайте, доктор. Двенадцать секунд. Как те, кто был до вас.

Ян посмотрел на дверь. На Анну. На фигурку в кармане. На фотографию Тома. На конверт с именем Эвелины.

Взял.

Дверь открылась. Мюррей стоял на пороге. В красном свете его глаза приобрели цвет старой меди — намёком, обещанием.

— Выбор сделан, — сказал он. — Интересно. Двенадцать до вас выбирали иначе.

— Путь есть всегда, — сказала Анна.

— Нет. Только эволюция.

Он шагнул. Анна нажала кнопку. Пол ушёл вниз.

Ян успел почувствовать, как деревяшка давит на бедро. И голос Эвелины, наконец сказавший не «беги», а «останься».

Глава вторая. БЕГСТВО

1

Платформа остановилась. Беззвучие было таким плотным, что Ян ощутил его давление на барабанные перепонки — как в барокамере, где он однажды лечил горную болезнь и где отсутствие шума само становилось звуком.

Анна нашла выключатель. Лампа накалилась медленно, сначала показав только её руку — бледную, с запёкшейся кровью у кутикулы, которую она не чувствовала, потому что костюм отключил эту часть пальца. Потом стеллажи, бетон, тень человека у двери — он стоял там, не двигаясь, автомат наготове, но не нацелен.

— Надевай. — Она не смотрела на него. — Пока ткань холодная, она мёртвая. Потом — нет.

Ян стянул рубашку. Оболочка облекла тело ледяной плёнкой, которая почти сразу нагрелась. Что-то проникло внутрь — не боль, а вязкое ощущение чужой памяти. Ткань сжалась, подогналась, замерла, дыша в противофазе.

Он прислушался. В ушах шумела кровь, сердце зачастило, потом будто споткнулось и пошло реже — сорок пять в минуту, он машинально считал. Но в висках отдавался иной ритм, механически ровный, шестьдесят ударов. Компенсаторный мотор оболочки. Не его жизнь.

«Теперь у меня два сердца», — подумал он. И не понял, страшно это или удобно.

— Дыши. Он берёт показатели.

Ян перевёл дух. Посмотрел на руки — пальцы двигались свободно, но он чувствовал, что может ударить сильнее, бежать быстрее. Чувствовал это интеллектуально, не физически. Как знание о своём теле, а не само тело.

— Есть побочный эффект, — сказала Анна, не глядя на него. — Со временем исчезнут прикосновения. Сначала грубые ткани, потом тепло чужой руки, потом боль. Костюм отключает тактильные рецепторы, чтобы усилить реакцию. Ты станешь быстрее, но утратишь ощущение мира.

— А ты?

— Я носила его два года. Теперь я не чувствую своих пальцев. — Она сжала кулак, разжала. Он не заметил дрожи — не потому что её не было, а потому что он уже не знал, как должна дрожать рука человека. — Но я жива.

Дверь бункера вздрогнула от удара. Красный свет мигнул. На мониторе — фигуры в касках, но движение неправильное — слишком плавное, слишком скоординированное.

— Откройте! — голос искажённый, но не враждебный. — Военный контроль. Эвакуация.

Анна потянулась к панели. Ян остановил её.

— А если ловушка?

— Если хотели убить — уже взорвали.

Она нажала кнопку. Дверь со скрежетом отошла.

Солдат вошёл быстро, автомат наготове. Противогаз. Оглядел комнату, задержал взгляд на чёрной оболочке Яна. Потом снял противогаз — лицо молодое, серое, с запёкшейся кровью на виске.

— Рядовой Кейси. Потерял связь с частью. Вы учёные?

— Анна Либерман. Это Ян.

Кейси посмотрел на её белый халат, потом на его чёрную ткань. Потом на свой — коричневый, грубый, с застывшими пятнами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.